

*„Девушки нашей страны“
в Московском Трампе.
Совещание бетонщиц.*

зиции самодовлеющего индивидуалистического психологизма, пытающегося оторвать психологию от классовой борьбы. Ленин говорил, что «социолог-субъективист, начиная свое рассуждение якобы с «живых личностей», на самом деле начинает с того, что вкладывает в эти личности такие «помыслы и чувства», которые он сам считает рациональными (потому что, изолируя свои «личности» от конкретной общественной обстановки, он тем самым отнял у себя возможность изучать действительные их помыслы и чувства), т. е. «начинает с утопий» (Ленин, т. I, стр. 280).

И еще: «Не понимая дел, нельзя понять и психологии людей иначе, как внешне» (письма к Горькому).

Задачи, поставленные XVII партконференцией о ликвидации буржуазных и мелкобуржуазных пережитков в сознании и психологии людей, о воспитании коммунистического сознания, могут быть успешно разрешены только в свете этих указаний Ленина.

Для нас стало ясно, что надо последовательно и решительно становиться на путь реалистического искусства, на путь правдивого художественного показа

Г О В О Р Я Т   М О С К О В С К И Е   Т Р А М О В Ц Ы

35

нет. Образ пускай будет спокоен, а я должен волноваться, иначе какой же я, к шуту, взволнованный докладчик, если меня не отличишь от играемого какого-нибудь кулака или белогвардейца? А, ну, как зритель возьмет да и забудет, что ты это ты, а не твой образ:

«Играть играйте, но, будьте любезны, не заирываться», «роль — это макинтош, который можно надеть и сбросить в любое время», — говорили нам. И получалось, что при поднятии занавеса я, играя кулака, выхожу на сцену и как бы говорю зрителю: «Товарищи! Я сейчас вам покажу кулака, какой он мерзавец и классовый враг. Но я не кулак, товарищи, я о нем только взволнованно докладываю. Хотите верить, хотите нет, чем богаты, тем и рады».

К сожалению, это не анекдот. К счастью, эта теория удержалась недолго. Но ют ее последствий нам избавиться было очень трудно. Она оставила свой след на всем нашем дальнейшем творчестве. Хотя и говорили, что мы должны вскрывать социальные корни образа, но на деле вскрытие образа переносилось на оформление, на внешние элементы спектакля. Например, отрицательный образ у нас всегда освещали зеленым светом и играла «отрицательная» музыка. Положительный образ освещали красным светом и играла «положительная» музыка. Зритель мог ни

минуты не сомневаться, с кем он имеет дело. Наша трамбовская драматургия шагала с нами в ногу, и от этой солидарности получались вот какие результаты — текст одного образа мы могли свободно передать другому и ничего от этого не изменялось. Например, я работал над образом кладовщика в пьесе «Тревога». Мы взяли и из старика сделали молодого кладовщика, пользуясь этим же текстом. И у нас ничего не изменилось. Были и такие образы, которые служили как бы свалкой, куда сдавали весь остающийся текст от всех ролей. Ясно, что по сцене ходили не живые люди, а схемы. Комсомольцы были все одинаковые, без своей индивидуальности, присущей каждому. Получалась масса, выкрашенная в один цвет.

В пьесе «Девушки нашей страны» мне была поручена работа над ролью Тома Старчая. Режиссеры объяснили мне, что интерес образа в том, что Тома не единственный случай, что в нем надо увидеть тип рабочего, который предан своему производству, но который еще не перестроился в быту, не изжил старых предрассудков и старых взглядов на женщину. Зритель должен быть убежден, что Тома борется с женской бригадой в «интересах производства». Значит зритель должен мне поверить. И моя задача на сцене, в роли, каким угодно способом не допустить такого «безобразия», чтобы «бабья бригада ра-

ботала на бетоне». От этого мне и самому стало интересно работать. Я стал искать возможности наиболее убедительно доказать правоту Тома Гордейча моим партнерам по сцене. Стал выдумывать всевозможные причины. Уверяя их, что «бетон влияет на женскую деликатную конструкцию», я вовсе не думаю о здоровье женщин, а представляю себе тот позор, который мы переживаем, когда в результате работы с бабами потеряем темпы и не выполним нормы.

Раскрывшем всех внутренних побуждений образа режиссеры из МХТ придали моей работе над ролью Тома Гордейча особый интерес, отличный от того, с каким я работал над предыдущими ролями. Период работы с мхатовцами принес мне очень большую пользу. Он дал мне первоначальную грамотность, от которой можно двигаться дальше, повышая свою квалификацию.

Насчет нашей трамбовской специфики я могу сказать, что, по моему, она заключается в помощи комсомолу средствами театра мобилизовать массу рабочей молодежи на разрешение задач сегодняшнего дня. Но это сможет делать театр, который в своем вооружении будет иметь не «взволнованных докладчиков», а актеров — мастеров своего дела.